Диссонансы утопии: проблема границы в новелле Ф. Ведекинда «Мине-Гага, или О телесном воспитании молодых девушек»

Порунцов Владимир Александрович

Российский государственный гидрометеорологический университет (РГГМУ),
Санкт-Петербург, Россия

Utopia discord: the problem of boundary in Frank Wedekind's short story 'Mine- Haha, or On the Bodily Education of Young Girls'

Poruntsov Vladimir

Russian State Hydrometeorological University (RSHU), St. Petersburg, Russia

Аннотация

В статье рассматривается пересечение в художественном тексте Франка Ведекинда двух планов, утопического и трансгрессивного. Формирование утопического дискурса в данном случае неоднозначно, так как авторская интенция наталкивается на противоречие между индивидуальным и коллективным, вытекающее из сущности самого трансгрессивного акта.

Abstract

The paper deals with the intersection of utopian and transgressive frames in Frank Wedekind's short story 'Mine-Haha, or On the Bodily Education of Young Girls'. This results in ambiguous utopia-forming

process, since the author's intention faces contradiction between individual and collective modes of living coming about as an effect of the very essence of transgressive act.

Ключевые слова: Ведекинд, утопия, трансгрессия, сексуальность, телесность.

Keyword: Wedekind, utopia, transgression, sexuality, bodiness.

Сексуальность и трансгрессия

Тексты-утопии Ведекинда, отличающиеся по своему стилистическому характеру от общепринятых в XIX–XX вв. утопий,

являются амбивалентными визионерскими зарисовками, аутопойетически конструирующими культурную рамку, слабо связанную с общественным пространством, но неминуемо в него упирающуюся.

Ведекинд известен как ненавистник буржуазной морали в отношении сексуальности. Предпринимая трансгрессивные попытки репрезентировать отличную от общепринятой модель сексуального поведения, писатель стремится раскрыть сущность эротического аспекта человеческого бытия. Сфера сексуальности и телесности позволяет найти точки схождения трансгрессии и утопии.

Как напоминает нам Фуко, разбирая философское и творческое наследие Батая, трансгрессивный опыт недискурсивен. Взаимодействие дискурсивных и недискурсивных практик является ключевым в понимании сексуальности как сферы субъективности. Если недискурсивный язык возникает из желания, то сексуальность как социализированный феномен является уже дискурсивным языком. Трансгрессия в свою очередь не имеет собственного языка, она является недискурсивным условием формирования разных форм сексуальности, то есть форм субъективности.

Проблема в том, что Ведекинд старается отстоять сексуальность на додискурсивном уровне. Его эстетическая концепция сталкивается с проблемой социализированности сексуальности. Если сама по себе утопия идеологична (как жанр, нацеленный на чёткую артикулируемость, манифестацию) и вследствие этого дискурсивна, то утопия, построенная на теме телесного воспитания, должна наделять своим языком сферу сексуального опыта, тем

самым подчиняя её идеологии. В данном случае утопия как форма репрезентации нового дискурса социально значимой сексуальности вступает в конфронтацию со способами формирования новой субъективности, которая черпает свое начало в трансгрессии. Одновременно с этим трансгрессивный опыт противится любому существующему языку. Один современный исследователь пишет о «Мине-Гага»: «Женская половая идентичность приобретается за рамками языковой символизации, через чувствительно-двигательное кодирование, основанное на сравнении тел» [2, с.80]. Однако это действительно только для первого этапа воспитания девочек.

Проблема формирования субъективности

Статус девочек колеблется между субъектом и объектом: «до самого своего ухода из парка они одновременно являются и в роли воспитательниц, и в роли воспитанников» [4, с. 146]. Елена Энгель говорит, что их «я» было их телом, в особенности ногами. «При этом дрессировка ног замещает эстетическую форму, в которой тело должно быть преобразовано, чтобы предстать объектом страстного созерцания» [3, с. 107].

Момент, когда Гидалла должна была играть пантомиму в театре, отмечен сменой погоды – снег и холод символизируют перемену в процессе индивидуации главной героини, первый этап (до 7 лет) начального становления субъективности героини сменяется вторым этапом, который отмечен появлением анонимного объекта (невидимых для девочек зрителей). Именно это разделение проблематизирует вопрос о рождении

полноценной субъективности у девочек: они не должны рефлексировать о своей сексуальности, но их сексуальность каким-то образом должна формироваться. Перед нами проблема границы. Ведекинд боялся дискурсивизации сексуальности, одновременно с этим понимая, что избежать этого невозможно. Поэтому подлинно утопическим является изображение жизни Гидаллы до 7 лет, далее этот план неизбежно искажается появлением Другого (анонимных зрителей), квази-индивидуальное поглощается общественным, теряет свою автономность (ср. также в конце мемуаров негативное описание кишащей человеческой массы (*Gewimmel*), пред которой Гидалла испытывала смертельный страх (*Himmelangst*)). Так как утопия не может являться индивидуалистической моделью, в данном случае она изображается через её отрицание, поэтому за преодолением границы нормативного поведения следует преодоление границы, отделяющей досубъективное недискурсивное существование от социализации сексуальности: повествование от изображения формирования гармоничного идеального тела, сопряженного с подавлением разума и трансгрессивной дрессировкой («колония» отделена от окружающего мира, попадание в неё символизирует переход границ социальных законов), переходит к показу тела обществу; Ведекинд не ограничивается наброском формулы для создания идеального, сообразного духу природы тела.

Ведекинд «выступает против стыда, в то же время он инсценирует мужскую проекцию желания, находя формы сценического повествования, которые стимулируют фантазию

представлять себе непристойный объект» [2, с. 273]. Этот момент обнажает ядро конфликта. Только становясь объектами, девочки становятся полноценными субъектами. Более того, мотивы вуайеризма делают неоднозначным статус автора и читателя. «Детский рай» вступает в конфликт не только с капиталистической реальностью, когда тело должно быть идеальным в качестве объекта осмотра, зрелища, то есть быть вписанным в протопотребительскую логику («Однако эстетическое воспитание девочек не является самоцелью. Воспитание подчинено экономическим принципам. <...> В результате такого воспитания девочки неосознанно становятся своего рода проститутками на сцене» [4, с. 156]). Конфликт начинается задолго до этого: дрессура тела предполагает преемственность техник, а преемственность имеет человеческий фактор, который отмечен контролем и наказанием, в конечном счёте, коллективной волей. Невозможность обойти этот момент вводит прочтение текста как дистопии, ужаса вечного подчинения во имя идеализации женщиной своей природы.

В пространстве утопического дискурса обостряется противоречивость тела как автономного субъекта, творящего новую реальность. Как отмечает О. Гутйар, «Условием для желаемой театральной постановки является успешная дрессура тела при одновременном его табуировании. <...> Табу на сексуальность, направленную на собственный пол, должно поддерживаться во время совместной жизни девочек, чтобы нарушение запрета как событие греха могло быть инсценировано для мужской публики» [3, с. 110].

Ведекинд организует пространство создания новой формы существования женщины таким образом, что дрессура тела и потеря стыда должны компенсироваться табуированностью сексуальности.

Тело, свобода и репрессия

С одной стороны, в культуре модернизма телесность стоит за рамками любой репрессии, так как преодолевает простую необходимость, представляет собой царство естественности и свободы. С другой стороны, это всего лишь интеллектуальная ошибка, и на самом деле телесность немыслима без особых законов и правил. Новелла Ведекинда парадоксальным образом показывает и то, и другое – телесность как свобода возможна, но эта утопия осуществится через дистопическое усилие. Самым символичным в этом смысле является окончание рукописи: несмотря на ужасающую толпу людей, воплощающих желание Другого, девочки, минуя трибуны (*Tribünen* – обновлённая метафора жизни как театра), спускаются в бассейн – образ, представленный в начале мемуаров и символизирующий беззаботное, окрашенное в светлые тона автореференциальное высвобождение инстинкта и сексуальности. Этой утопии всегда будет угрожать социальное, представленное в тексте сладострастными зрителями. В этом контексте можно вспомнить слова Ф. Джеймисона: «Утопия – явление некоторым образом негативное, и наиболее подлинной она становится именно тогда, когда мы не можем ее вообразить. Ее функция заключается не в том, чтобы помочь нам вообразить лучшее будущее, а в демонстрации нашей полной неспособности это сделать – нашу

заточённость в неутопическом настоящем без историчности и будущности, – что выявляет идеологическую замкнутость системы, в которой мы оказались заперты» [1]. Именно этим можно объяснить самоубийство Елены Энгель.

Сексуальность, даже не отмеченная стыдом как маркером буржуазной морали, не является областью чистой свободы, особенно в случае женской сексуальности, формируемой в области пересечения субъекта и объекта. От репрессии культуры человек спасается репрессией тела, противопоставленного культуре. Однако телесность формирует новую культуру и эволюционирует уже в культуре. Обойти проблему репрессивной и одновременно освобождающей сущности телесности и сексуальности невозможно. Апория, с которой столкнулся Ведекинд, приводит к парадоксам репрессивности и санкционированности биополитики. Женщина, избавившись от гнёта социальной роли, попадает в рабство «подлинной» сексуальной витальности.

Литература

- Джеймисон Ф. Политика утопии // Художественный журнал. № 84. 2005.
<http://www.permm.ru/menu/xzh/arkiv/84/politika-utopii> (Дата обращения: 12.06.2016).
- Dahlke B. *Jünglinge der Moderne : Jugendkult und Männlichkeit in der Literatur um 1900*. Köln: Böhlau, 2006. – 273 S.
- Gutjahr O. *Erziehung zur Schamlosigkeit. Frank Wedekinds Mine-Haha, oder Über die körperliche Erziehung der jungen Mädchen und der intertextuelle Bezug zu Frühlings*

Erwachen // Freiburger
literaturpsychologische Gespräche.
Jahrbuch für Literatur und
Psychoanalyse. B. 20. Würzburg:
Königshausen & Neumann, 2001. –
S. 93-124.

Whittaker G. Überbürdung, Subversion,
Ermächtigung: die Schule und die
literarische Moderne 1880-1918.
Göttingen: V & R Unipress, 2013. –
363 S.

References